

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Интересно, хоть одна из этих женщин представляла свою смерть?» Эта мысль приходит мне в голову на скамье старого церковного кладбища. Мои юбки аккуратно подобраны, щиколотки скрещены, руки сложены на коленях. Для любого, кто разглядит мой силуэт сквозь пелену снегопада, я — истинная леди, а на меня смотрят даже глубоко скорбящие. Но в собственном сознании, скрытая от чужих взоров, я мертва и распластана под толщей земли, мои руки и ноги раскинуты в стороны, волосы спутаны, рот забит мерзлыми комьями. Земля заглатывает меня целиком, смакует вкус моего последнего теплого вдоха.

Это куда романтичнее, чем лежать в гробу в нашем фамильном склепе, хотя, вероятнее всего, меня ждет именно такая участь. В гробу, однако, мои юбки будут подобраны, щиколотки скрещены, руки сложены, а в чем смысл умирать так же, как жил? Если мне суждено отойти в объятия Смерти, я намерена сделать это в манере, какую в моем окружении едва ли сочтут достойной.

Ко мне приближаются две дамы в черных бумазейных платьях. Идут под руку, на обеих плотные креповые вуали, но ткань откинута и не закрывает лиц.

Помню, мамá жаловалась на жесткую материю, царапающую кожу, однако мирилась с неудобством и на людях носила вуаль, как полагается вдовам, так что смелость этих дам мне отраднa. Проходя мимо, обе приветствуют меня кивком, и я вижу, что они немногим старше Мины или меня самой. Пожалуй, даже напоминают нас пятью-шестью годами ранее. Одна — пухленькая, изящная, с шелковистыми светлыми волосами — похожа на Мину, другая — невысокая, худощавая и темноволосая, совсем как я. Они движутся с безупречной синхронностью, шаг за шагом, и доверительно склоняются друг к дружке, как сестры. Или как влюбленные.

Они останавливаются у могилы неподалеку, и светловолосая кладет на надгробие букет белых лилий. Лепестки тонут в снегу, где им суждена медленная гибель, а дамы, кивнув мне на прощание, удаляются. Я представляю, как они выходят за ворота, садятся в экипаж и едут назад к дому, который встречает их ярким, точно радостный взгляд, светом окон. Они снимут колючие вуали и присядут отдохнуть за чашечкой душистого чая, уже и не вспоминая о заснеженной могиле и обо мне, сидящей на скамейке.

С других женщин смерть слетает легко и быстро, на мне же задерживается, как аромат духов, впитывается в кожу, так что в конце концов каждый вдох служит мне напоминанием о неизбежности могилы. Освободиться из этих тисков я не могу, и когда, трепеща, встаю со скамейки, не уверена, хочу ли освобождения.

В своих черных шелковых юбках я пробираюсь сквозь места упокоения мертвых. Слышат ли они

хруст снега под моими каблучками, завидуют ли мне? Я бы завидовала. Я бы возненавидела девчонку, что в сумерках крадется через мою могилу, словно призрак, ту, чья кожа на фоне черных как смоль волос кажется белее зимы, а глаза горят жизнью здесь, где жизнь неуместна. Я стараюсь ступать мягче, дабы сверх меры не раздражать обделенных.

В дальнем конце кладбища напротив кованых ворот стоят семь фамильных склепов из потрескавшегося гранита. Отделенные друг от друга плакучими тисовыми деревьями, они высятся над надгробиями, точно правители, обозревающие толпу черни. «Гладстоны» — высечено на первом склепе, «Тейлоры» — на втором. Я минуя Кингов, Прайсов и Браунингов, и далее, следом за Шоу, вижу цель своего визита: седьмой склеп, украшенный каменными розами. По бокам от двери висят металлические фонари. Они не зажжены, однако фамилия «Вестенра», выведенная сверху, светится, будто бы озаренная пламенем.

Я толкаю тяжелую дверь и вхожу. Внутри не может быть светло, не в этом сумраке февральского вечера, — однако я вижу все так же ясно, как если бы держала в руке факел: затянутый паутиной пол, останки засохших цветов и холодные гранитные стены с вырезанными на них именами всех Вестенра, которые спят в этой гробнице вечным сном. Каменные ступени ведут вниз, в крипту, где вместе с женами и детьми погребены многочисленные Джоны, Генри и Джорджи, мне неизвестные. Здесь же, в основной части усыпальницы, покоятся те, кого я знала. Словно во сне, я приближаюсь к каменным саркофагам, и мои ноздри заполняет густой сладковатый запах

разложения. Саркофаги смотрятся величественно, соответствуя высокому положению тех, кто их занимает.

Первая надпись гласит: «Лорд Александр, 6-й виконт Вестенра, и его супруга Ванесса». Мой прадед никогда не хотел ни титула, ни поместья. Все, чего он желал в жизни, — это моя прабабка, и, чтобы ее не потерять, он по настоянию родителей был вынужден вернуться в Англию. Конец юношеским эскападам по всему свету, конец урокам военного дела, кровопролития и власти, которым он учился у сумасбродного французского дяди, высокопоставленного чиновника при дворе императора Вьетнама. «Возвращайся на родину, — по семейной легенде, велели ему родители. — Мы примем твою невесту, если ты вернешься домой и возьмешь на себя положенные обязанности». Он согласился.

Прадеда в живых я не застала, а прабабушка скончалась, когда мне было три. Ее, совсем девчонку, муж-англичанин выкрал с вьетнамского императорского двора, и до конца своих дней она оставалась такой же изящной и миниатюрной. Помню, как она угощала меня имбирными леденцами и смеялась своим переливчатым смехом, пытаясь овладеть произношением наших жестких согласных. Когда она слегла, я целый месяц не понимала, что происходит. «Почему мы должны попрощаться?» — спросила я, глядя на прабабушку: бледная и безмолвная, она лежала на подушке и, казалось, спала. «Потому что ее путь лежит на старое церковное кладбище», — объяснила мамá. «Но она же вернется, правда?» — «Нет, милая. Уже не вернется».

Я все равно не понимала. День за днем я ждала у окна в надежде увидеть, как к воротам с грохотом подъедет прабабушкин экипаж. Не могу сказать, когда я узнала, что такое смерть, помню лишь, что с годами меня начали преследовать сны, в которых я бродила в тумане, ища мамá, выкликая отца, в ужасе от того, что один за другим они уйдут и я останусь одна.

Я склоняюсь над второй могильной плитой с надписью «Достопочтенный Филип Дж. Вестенра и его супруга Люси». Провожу пальцами по высеченному имени, какое ношу и сама. Оно досталось мне от бабушки вместе с улыбкой, благодаря которой полвека назад она покорила светский Лондон. Ребенком я льнула к ней, боясь лишиться и ее. «Все мы когда-нибудь уйдем, — говорила она, крепко меня обнимая. — Жизнь не может длиться вечно». — «А должна! — с жаром возражала я. — Я *сделаю* так, что она будет вечной».

Тот факт, что бабушка покоится здесь, рядом с дедом, служит доказательством моего провала. Я прижимаюсь щекой к ледяному саркофагу и вспоминаю обо всем прочитанном мною в отцовской библиотеке после бабушкиной кончины. Тома, посвященные загробной жизни, едва понятные медицинские трактаты со сложными рисунками человеческого тела в посмертии. Перечитав все это, я принялась изучать классический фольклор: истории о призраках, суеверия, сопутствующие похоронным ритуалам в разных уголках мира, рассказы о людях, погребенных заживо и замурованных в темных катакомбах.

С тех пор все мои сны были о смерти. Я тонула в море. Скребла изнутри крышку гроба, покуда не срывала

ногти. Падала с высокой башни в речку перед замком. «Это защитный механизм, — растолковывал доктор моим встревоженным родителям. — Люси учится справляться с горем. Она это перерастет, вот увидите». Но я так и не переросла.

Ибо вот она я, в фамильном склепе, одна, в окружении мертвых. Лицо мое по-прежнему в нескольких дюймах от скелетов моих деда и бабушки, а взгляд обращен на саркофаг отца. «Филип Вестенра, мл.» высечено на плите, рядом оставлено место, чтобы однажды добавить сюда же имя мамá. Я поднимаю глаза выше надписи. Я вижу руку. Она свисает с края саркофага, пальцы — длинные, белые, безвольные. Запястье медленно поворачивается, пока ладонь не встает вертикально. Указательный палец призывно сгибается. Иди ко мне.

Я поднимаюсь, и вместе со мной поднимается пыль. Я шагаю к саркофагу. Крышки нет, поэтому я ясно вижу отца: черные как смоль волосы, высокие скулы, бледная, с капелькой золота, кожа — все это досталось по наследству и мне. Его глаза открыты, и, когда я подхожу ближе, он глядит на меня.

— Люси, — удовлетворенно произносит он, — я знал, что ты придешь.

В моем сердце всколыхивается тоска.

— Папá, — отзываюсь я, беря его за руку. Его ладонь крупная, теплая и крепкая, и мои пальцы в ней утопают. — Ах, папá, как же я по тебе соскучилась!

— А я — по тебе, дитя мое. — Он садится в гробу, от широких плеч и массивного туловища во все стороны летит пыль. В уголках больших синих глаз раз-

бегаются морщинки. — Отчего ты не пришла раньше? Я ждал.

Я опускаюсь на колени подле саркофага.

— Ждал?

— Твое место здесь. Какие чудные беседы мы станем вести, ты и я. Нам столько всего нужно обсудить, и времени у нас в избытке. — Отец с любовью меня рассматривает. — С каждым разом ты все хорошеешь. У тебя глаза моей бабушки Ванессы. Тот же цвет и разрез. Кажется, будто я вижу ее.

Его голос пронизан печалью. Он был близок со своей бабушкой и многому у нее научился: уважению к старшим, пристрастию к специям ее родных краев и даже ее языку, хоть говорил он на нем исключительно в безопасных стенах собственного дома и никогда — в курительных комнатах или гостиных изысканного английского общества. Всему тому же он в свою очередь научил и меня.

— Милый мой папá, — говорю я и целую его пальцы.

Когда он тут, со мной, в склепе светло и тепло. Я представляю, будто мы с отцом сидим рядышком, бок о бок. Я спокойна, счастлива и любима; мучительные сны, полные теней, отступили. Худшее пришло и ушло: Смерть воззвала ко мне, и я ответила, а жизнь во внешнем мире продолжится своим чередом.

Во внешнем мире...

Солнечный свет проникает сквозь высокие окна. Я вижу, как в одиночестве нашего большого дома плачет мамá. Вижу Мину в свадебном платье, ее лицо под вуалью печально. Вижу всех мужчин, которых когда-

либо знала, всех тех, с кем танцевала, кто мог бы взять меня в жены и открыть мне ту сторону жизни, о какой не может толком рассказать ни одна женщина, но какую страстно тянется познать мое истосковавшееся тело девственницы.

— В чем дело, Люси? Что случилось? — беспокоится отец.

За спиной я слышу скрежет отодвигаемой крышки: это пробуждаются дедушка с бабушкой. Как и отец, они садятся в своем каменном гробу, но выглядят совершенно иначе. От обоих остались лишь клочья плоти на костях, рты раззявлены в застывших улыбках. По склепу распространяется запах гниения. Из бабушкиной ноздри выползает жирный розовый червяк.

— Что стряслось, Люси?

— Люси, останься с нами навеки!

Я в ужасе оборачиваюсь и вижу, что моего отца облепили огромные черные жуки. Они вскрывают его кожу острыми как бритва клешнями, рвут плоть, словно бумагу, отдирают куски окровавленных жил и трепещущих мышц. Его рука, сомкнутая вокруг моих пальцев, — словно костяная клетка, матово-белая и холодная.

— Люси, твое место здесь, — с любовью произносит отец, в то время как жучиные клешни вонзаются в студенистую влажную мякоть его правого глаза.

Я кричу, но изо всех оставшихся сил продолжаю цепляться за его руку. Какая-то сила пытается нас разделить. Над моим ухом слышится голос:

— Люси. Люси! Проснись!

Я стою на коленях в снегу. Вокруг меня брызги крови, похожие на капли краски на белой стене, в крови

и мои пальцы. Я царапала ногтями дверь фамильного склепа.

— Ох, Люси, зачем, ну зачем ты это делаешь? — стонет мамá. У нее вид женщины, в спешке вскочившей с постели. Коса растрепалась, из-под тяжелого шерстяного капота виднеется подол ночной сорочки. Как всегда, она захватила капот и для меня и торопливо накидывает его мне на плечи.

Только теперь я понимаю, как сильно замерзла. На мне лишь ночная сорочка, белый батист до того тонкий, что в луче фонаря, который держит моя камеристка Гарриет, просвечивает насквозь. Гарриет ставит пару туфель в снег к моим босым ногам, которые тоже кровоточат — должно быть, я поранилась по дороге от дома до церковного кладбища, — и так окоченели, что камеристке приходится помочь мне всунуть их в обувь.

— Который час? — спрашиваю я, стуча зубами.

— Половина первого ночи, — устало отвечает мамá и разворачивает меня спиной к склепу. Гарриет выводит нас с кладбища, освещая путь фонарем. — И добро бы еще твои приступы лунатизма случались в приличные часы, например, во время послеобеденного сна... Хотя, пожалуй, оно и к лучшему, что ты не бродишь днем. — Мамá косится на мои голые ноги, отчетливо проступающие под тоненькой ночной сорочкой. Если бы я ходила во сне среди бела дня, весь добропорядочный Лондон рассмотрел бы каждый дюйм моего тела. — Идем домой. Гарриет приготовит теплую ванну, и я велю Агате подогреть для тебя бульон.

Мы проходим через ворота, меня охватывает безудержная дрожь.

— Я... я видела папá.

Мама́ бросает на меня резкий взгляд:

— Люси, хватит!

— Но я ничего не могу с собой поделать. Доктор...

Мама́ раздраженно отмахивается.

— Речь не о твоём недуге. Твой папá тоже страдал снохождением, как и его отец, а прежде — и его бабка. Я имею в виду это, — она жестом указывает на заснеженные склепы, — эту твою нездоровую, противостественную одержимость смертью и утратами.

Я плотнее запахиваю капот.

— С кончины отца минуло пять лет. — При свете фонаря мама́ выглядит гораздо старше своего возраста. — Пора тебе его отпустить.

Несколько мгновений мы стоим на снегу, глядим друг на друга, и наше дыхание в стылом воздухе похоже на обрывки тумана. Наконец мама́ со вздохом двигается дальше, ведя меня за собой, я безмолвно подчиняюсь. А что тут скажешь?

Как признаться, что я никогда не смогу отпустить отца, бабушку с дедушкой и всех остальных, кого потеряла? Как объяснить, что они... что сама Смерть этого не допустит? Поэтому я молчу, и мы продолжаем путь домой под зимним небом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я — мотылек, Мина — свеча. Никогда еще я не осознавала этого яснее, чем сейчас, в моей комнате, собираясь на торжество по случаю ее помолвки. Мина стоит перед большим, в полный рост, зеркалом и, задумчиво поджав губы, рассматривает каждый дюйм своего платья. Шелк обволакивает фигуру, струится сияющим каскадом небесной синевы, идеально сочетаясь с цветом ее глаз. Я выбрала его, потому что с первого взгляда поняла, как он ей пойдет. Мина изучает переливчатый блеск материи, я же люблюсь отблесками свечного пламени, что играют в ее волосах оттенка светлого золота, убранных в низкий пучок и закрепленных при помощи моей бриллиантовой заколки.

— Люси, я не могу принять это платье, — в тысячный раз повторяет моя подруга.

— Говорю же, глупенькая, оно не от меня, — отвечаю я, тоже в тысячный раз. — Я только договорилась с портнихой, а само платье — подарок к твоей помолвке от мамá.

— И все же... — Мина оглаживает лиф, на фоне которого ее округлые плечи и обнаженные руки кажутся будто бы высеченными из белейшего мрамора. —

Вы обе и так уже столько сделали для меня! Устроили прием, заказали цветы и шампанское, разослали приглашения...

Я смеюсь и с наслаждением растягиваюсь на кровати, чувствуя, как в бока впиваются косточки корсета.

— Мы обожаем тебя баловать, ты же знаешь.

Украдкой ловлю свое отражение в зеркале. Я вся — воплощение томной неги: лежу, опираясь на локти; мои длинные блестящие волосы цвета полуночи рассыпались по белоснежному покрывалу, точно пролитые чернила. Глаза, темные и слегка раскосые, блестят при свечах, а бледно-оливковая шея светится, выступая из дорогих французских кружев, едва способных сдержать пухлые теплые полулуния грудей. Я меняю позу, и подол коротенькой сорочки задирается. Если Мина — ангел в мечтах любого мужчины, то я — демон в их снах.

Небесно-голубой шелк шелестит, когда Мина поворачивается ко мне. Ее взгляд падает на мои голые бедра, две полоски кожи между сорочкой и кружевными кромками чулок. Щеки Мины вспыхивают, и у меня мелькает мысль, не вспомнила ли она, как и я, наш поцелуй в тот залитый солнцем день у моря.

— Люси, — с шутливым упреком произносит Мина и поднимает с пола мои кремовые панталоны, — ты когда-нибудь начнешь одеваться?

— А какой смысл? В таком виде — я жестом указываю на себя, — я заполучу муженька гораздо быстрее.

— Ты без труда заполучишь его, даже если нарядишься в мешок из-под картошки! — смеется она.

— Мужчинами так легко управлять. — Я беру панталоны и неохотно просовываю в них ноги. — Надень платье с глубоким вырезом, похлопай ресницами, проведи пальчиком по мужской руке, и тебя тут же назовут *прелестной*. Ничего сложного. Не требуется ни ума, ни красоты.

— Однако у тебя есть и то и другое, что служит большим подспорьем.

— Никогда этого не отрицала.

Мы смеемся, Мина помогает мне надеть платье из бледно-розового шелка.

— Как же тебе идет этот цвет! Помолвку праздную я, но от тебя сегодня просто не отвести глаз, — произносит она без тени зависти.

— Только потому, что еще никто не заарканил меня, как Джонатан — тебя.

Едва имя слетает с моих губ, как я уже жалею о сказанном. Взор Мины моментально обращается внутрь, к мыслям, надеждам и воспоминаниям, которые меня не касаются. Она крутит на пальце тонкое золотое колечко с камушком, и я испытываю какое-то детское удовлетворение от того, что крошечный сапфир, выбранный Джонатаном, и близко не подходит к цвету ее глаз, в отличие от шелка, что подобрала я.

— Не знаю, что я буду делать весной, когда он уедет. Его не будет почти целый месяц, а мы еще ни разу не расставались так надолго, — не поднимая глаз, тихо говорит Мина. В неярком освещении она выглядит словно картина, которую я повесила бы на стену, если бы не могла сохранить любую другую ее частичку. — Ты, наверное, считаешь меня дурочкой.

Почти двадцать лет я видела в нем только друга, а люблю всего-навсего последние три года. Но теперь он такая же часть меня, как мое собственное сердце.

Любовь и боль Мины для меня как занозы. Они все глубже вонзаются мне под кожу, и наконец я уже сама не понимаю, то ли растрогана ее страстным чувством, то ли завидую, что она погрузится в то самое неведомое блаженство прежде меня, да еще с кем-то другим.

Я воображаю многообещающий мягкий скрип, с каким закрывается дверь спальни, представляю, как хлопок и кружево соскальзывают с плеч Мины к ее ногам, а тяжелые, озаренные солнцем волосы рассыпаются по гладкой обнаженной спине. Она подходит к сидящему на кровати Джонатану, чьи глаза горят желанием, и встает перед ним, так что его колени оказываются у нее между ног.

Джонатан. Мне хватило одного взгляда, чтобы оценить Джонатана Харкера и ощутить к нему неприязнь. Довольно высок ростом, хотя в нашем окружении других мужчин не бывает. Худощавый, подвижный — телосложение фехтовальщика. Гладкие руки того, кто зарабатывает, перебирая бумаги. Помощник стряпчего, при деньгах, вдобавок с каждым днем растет в глазах своего патрона. Темно-золотистые волосы, чуточку курносый нос и внезапная, как просверк молнии, улыбка. Даже речи его показались мне слишком умными, слишком, на мой вкус, интересными. И на Мину он смотрел по-особому, не сводя с нее теплых, нежных серых глаз, словно боялся, что, стоит ему отвернуться, как она исчезнет. Нет, никогда мне не нравился Джонатан Харкер.

Мина отрывает взгляд от кольца.

— Моя Люси, очень скоро ты поймешь, — с чувством говорит она, — что значит вот так кого-то любить.

Я улыбаюсь, крепко сжав губы, чтобы сдержать слова, произносить которые нельзя. Небрежно собираю длинные черные волосы и закалываю их в пучок шпильками с белейшим жемчугом. Гарриет уложила бы мою прическу аккуратнее, но я предпочитаю дерзкую небрежность, как после прогулки на порывистом лондонском ветру. Или как если бы кто-то провел по моим волосам грубыми руками, обжигая губами шею.

— Что ж, — беспечно говорю я, отступив на шаг назад, чтобы увидеть себя в зеркале в полный рост, — Джонатан уедет по делам, а я останусь с тобой.

— Чему я очень рада. — Мина кладет подбородок мне на плечо.

Мы с ней одного роста, обе хрупкие и изящные; она прижимается щекой к моей щеке, покуда я надеваю свои неизменные простенькие украшения: инкрустированный гагатом золотой медальон с фотографией отца и кольцо с зеленым вьетнамским нефритом, прежде принадлежавшее моей прабабке.

— И куда же его несет на этот раз? На равнины Африки или в степи Азии?

— Нет, не так далеко на восток, — смеется Мина. — Его клиент живет в дебрях Австро-Венгрии, у самой границы. Какой-то престарелый дворянин, владелец замка в Восточных Карпатах. Название этой области примерно переводится как «Горы суровой зимы». Поэтично, не правда ли?

— Ты у нас литератор, не я. Меня считают пустышкой, а тебя с твоими дневниками, даром наблюдателя и владением стенографией — талантом.

— Чепуха. Я пишу больше, чем ты, вот и все. Поддерживаю навык, чтобы в будущем помогать Джонатану в работе. Надеюсь, ему не всегда придется ездить в такую даль. — Мина вздыхает. — В горах очень красиво и все пронизано историей. Не понимаю, почему тот клиент желает перебраться сюда, в Лондон, если, по словам Джонатана, живет на вершине скалы над глубокой синей рекой.

Это описание заставляет меня вспомнить о снах, в которых я бросаюсь в бурный поток, грезах темных, пугающих и бесконечно соблазнительных. Я закрываю глаза и слушаю шепот Смерти. Представляю изумрудные горные склоны, усеянные деревушками и купами деревьев, произрастающих в тени древних каменных башен, и чувствую жгучую зависть, почти ненависть.

— Что угодно бы отдала, лишь бы поменяться местами с Джонатаном.

Мина с улыбкой обвивает руками мою шею.

— Зачем? Чтобы тоже от меня сбежать?

— Нет. Чтобы жениться на тебе, конечно! — Благодаря игривому тону, это должно прозвучать как шутка.

— Прodelать весь путь на поезде у Джонатана не получится, — отмечает Мина, практичная, как всегда. — Из-за сложного рельефа. На определенном этапе ему придется пересест в специально нанятый экипаж. Я проложила маршрут на карте при помощи красной ленточки и булавок и прочла обо всех

местах, через которые он будет проезжать. Кажется, я изучила историю этой области лучше, чем полагалось бы любой уважающей себя гувернантке.

Я равнодушно отмахиваюсь:

— Поездом ли, экипажем — какая разница! Лишь бы ехать куда-нибудь, куда угодно, видеть новые лица и слышать новые голоса. Заказывать чай в заграничном отеле, сидеть в сумраке театра в окружении незнакомцев, слать домой телеграммы из далеких городов... Это и есть свобода. Это — *жизнь*, моя Мина.

— Звучит и в самом деле заманчиво, — признает она.

— Вообрази себе путешествие по какой-нибудь диковинной стране. — Я подношу руку к ее шее и кончиками пальцев провожу по фарфоровой коже. Мину охватывает легкая дрожь. — Ты осматриваешь достопримечательности, исследуешь окрестности, спишь в незнакомой комнате, в новой постели. Вообразила?

Мина отстраняется, лишив мое плечо тепла.

— Возможно, когда-нибудь Джонатан возьмет меня с собой...

— Я не о поездках *с мужем*, — досадую я на непонятливость подруги. — Представь, что ты путешествуешь так, как это делают мужчины. В одиночку... или с другом.

Она смеется:

— В одиночку! Как это вообще — отправиться куда-то одной, без защиты?

— Почему бы и нет? Да и от кого нам нужна защита?

— Не знаю, — беспомощно отвечает Мина. — От опасных людей — воров, грабителей, убийц?